

Корнилова М. В.

Риск: приемлемость, защищённость, социальное распределение

Корнилова Марина Валерьевна – кандидат социологических наук, младший научный сотрудник, Институт социологии РАН. Россия, Москва, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5.

E-mail: mmrr@mail.ru

Тел.: +7 (499) 128 76 51

Аннотация. По мере развития технологий риск становится неотъемлемым компонентом жизни, взаимодействие с которым присуще в той или иной степени каждому в нашей повседневности. В статье предпринята попытка на базе эмпирических данных обосновать тезис о взаимосвязи оценок приемлемости различных типов риска с такими показателями как восприятие личностной защищённости и дистанции социального распределения рисков, измеренной через уязвимость (личностную, семьи, референтной группы, территориальной общности, страны в целом) от определённых социальных рисков. Эмпирической базой являются данные репрезентативного социологического опроса населения одного из районов Центральной России, проведённого по квотной выборке. Цель исследования формулировалась как изучение качества жизни населения, включая отношение к рискам.

Анализ показал, что большинство опрошенных не испытывают страха перед материальным, социальным и психологическим рисками, при этом экологического и физического рисков боятся около половины опрошенных. Респонденты в большинстве своём оценивают риски и уязвимость от них на отдалённой дистанции социального распределения, в масштабах влияния на страну в целом или регион проживания. Доли тех, кто считает себя лично или своё окружение подверженным большинству социальных рисков, сравнительно мала.

Ключевые слова: риск, восприятие риска, приемлемость, риски повседневности, защищённость, уязвимость, социальное распределение.

Понятие «риск» прочно вошло в нашу повседневную жизнь. Считалось что риск присущ определённым профессиям, видам деятельности, характерен только для людей, проживающих в определённой местности и т. д., однако по мере развития технологий риск становится неотъемлемым компонентом жизни, взаимодействие с которым присуще в той или иной степени каждому в нашей повседневности [Яницкий, 2003; Манша, Носова, 2001].

Классифицировать риски сложно, так как они могут замещать друг друга, являться следствием, перетекая из одного в другой в зависимости от оснований для типологизации. В настоящее время существуют многочисленные классификации риска, например по среде возникновения: природные [Порфирьев, 2001] и антропогенные [Быков, Порфирьев, 2006: 330], социальные [Миэринь, 1998] и техногенные [Мозговая, 2001]; по масштабу охвата: индивидуальные [Стратегические риски..., 2005] и социальные (коллективные) [Быков, 2001; Декларация..., 2006].

Подходы к раскрытию сущности риска базируются на определённых ключевых понятиях: опасность [Гринберг, 1963; Шиминова, 1979: 67], неопределённость [Ренн, 1999: 83], решение [Мозговая, 2001: 25], действие [Зубков, 2003: 47–48] и/или сопутствующий элемент действия.

Прикладные исследования риска так или иначе выходят на проблему приемлемости риска [Мозговая, Шлыкова, 2008; Шлыкова, 2011], в основе которой оказываются такие показатели как оценка и восприятие. Проблематика приемлемости риска сформировалась под влиянием крупных аварий на промышленных объектах (Севезо, Бхопал, Чернобыль и др), когда стало понятно, что обеспечить абсолютную безопасность невозможно и управленческие задачи следует ориентировать на повышение защищённости населения и территорий размещения потенциально опасных объектов, равно как и надёжности самих технологических систем. Приемлемости риска на уровне территориальной общности невозможно добиться без социологического обеспечения процесса принятия решений, социального взаимодействия заинтересованных сторон, иными словами – без социологических исследований.

Специалисты классифицируют риск по уровням приемлемости: приемлемый (допустимый), пренебрежимый, неприемлемый (недопустимый) [Быков, 2001; Декларация..., 2006]. Риск считается приемлемым, если достигнут «определённый уровень защищённости населения от вредных воздействий различных источников, позволяющий поддерживать устойчивое развитие мирового сообщества, отдельного государства, региона или социального субъекта» [Мозговая, Шлыкова, 2008: 106].

В данной статье предпринята попытка на базе эмпирических данных обосновать тезис о взаимосвязи оценок приемлемости различных типов риска с такими показателями как восприятие личностной защищённости и дистанции социального распределения рисков, измеренной через уязвимость (личностную, семьи, референтной группы, территориальной общности, страны в целом) от определённых социальных рисков. При интерпретации данных исследования автор статьи придерживается понятия «риск», разработанного А. В. Мозговой, которая определяет риск как «потенциальную возможность угрозы будущих потерь (ущерба), обусловленных субъективным решением» [Мозговая, 2001: 28].

Эмпирической базой являются данные репрезентативного социологического опроса населения одного из районов Центральной России, проведённого по квотной выборке. Критериями соответствия генеральной совокупности выступали пол, возраст, тип поселения. Инструментарий и выборка разрабатывались сотрудниками сектора проблем риска и катастроф Института социологии РАН. Опрос проводился интервьюерами, проживающими в районе, после обучения

и инструктажа и при непосредственном контроле сотрудников сектора. Цель исследования формулировалась как изучение качества жизни населения, включая отношение к рискам. Количество анкет, принятых к обработке и анализу после процедуры контроля и ремонта выборочной совокупности составляет 394.

Базовым для анализа выбран вопрос анкеты о наличии в сегодняшней повседневной жизни респондента той или иной угрозы, воспринимаемой им как реальный риск, а именно:

- «материальный (потеря имущества, собственности);
- физический (ухудшение, утрата здоровья);
- психологический (стресс, потеря контроля над своей жизненной ситуацией);
- социальный (потеря работы, служебного положения, статуса);
- духовный (например, от деградации окружающей среды)¹;
- моральный (изменение жизненного уклада, слом жизненных планов);
- экономический (финансовые потери, утрата или обесценивание сбережений)» [Мозговая, 2001: 28–29].

Анализ полученных данных показал: 91% респондентов считают, что им не угрожает потеря собственности и имущества; угрозу стрессов и потери контроля над своей жизненной ситуацией не ощущают 84% респондентов; потерять работу, статус, а также изменений в жизненном укладе и реализации планов не боятся по 81% респондентов соответственно; угрозу обесценивания человеческой жизни и финансовых потерь как личностную не ощущают по 75% респондентов. Однако доли респондентов, считающих, что им не угрожает ухудшение, утрата здоровья и деградация окружающей среды – значительно меньше – 54% и 42% соответственно. Полученные данные дают основания предположить, что экологическая обстановка в районе опроса оценивается значительной частью населения как угрожающая и в том числе как угроза их здоровью.

Респондентам, считающим, что они находятся в состоянии реальной угрозы, предлагалось определить источник конкретных рисков: от действий или бездействий самого человека, других людей, властей, организаций / служб. Эмпирические данные показывают, что угроза материального (54%), психологического (54%) и социального рисков (51%), по мнению опрошенных, в половине случаев исходят от других людей. Физический риск (68%), более чем в 2/3 случаев обусловлен собственными действиями или бездействием. Так называемый духовный (обесценивание человеческой жизни) и экономический риски, по оценкам респондентов, в 60% случаев исходят от власти. Экологический риск, по мнению половины воспринимающих его как реальную угрозу, исходит от неких организаций, служб.

¹ При интерпретации данных к духовному риску отнесено обесценивание жизни, а к экологическому – деградация окружающей среды.

Дополнительную аналитическую информацию дают ответы респондентов на вопрос о допустимости рисков, с которыми человек может столкнуться в своей жизни: респондентам предлагалось оценить риски по критерию принятия и непринятия ни при каких условиях. Все перечисленные в вопросе риски большинство респондентов не принимают ни при каких условиях: материальный ущерб (потеря имущества, собственности) – 88%, физический ущерб (ухудшение, утрата здоровья) – 97%, психологический ущерб (стресс, потеря контроля над своей жизненной ситуацией) – 99%, социальный ущерб (потеря работы, служебного положения, статуса) – 93%, духовный ущерб (игнорирование гуманистических идеалов, обесценивание человеческой жизни) – 100%, моральный ущерб (изменение жизненного уклада, слом жизненных планов) – 95%, экономический ущерб (финансовые потери, утрата или обесценивание сбережений) – 96%, ущерб экологии (дискомфорт от деградации окружающей среды) – 91%.

Опросы общественного мнения, целевые исследования, в частности сектора проблем риска и катастроф Института социологии РАН, показывают, что динамика оценок угрожающего характера экологических рисков идёт по возрастающей: население всё более остро осознаёт, что ущерб непосредственной среде обитания – и природной и социальной – это один из наиболее опасных рисков. Тревога и страх опрошенных возникают не напрасно. В настоящее время экологические проблемы широко обсуждаются публично, общественный интерес и внимание к способам сохранения окружающей среды, обеспечению приемлемого экологического риска возрастает.

В анализируемом исследовании респондентам предлагалось оценить конкретную прожективную ситуацию с точки зрения приемлемости экологического риска. Для этого задавался вопрос: «Какое лично Вы примете решение, если рядом с местом Вашего проживания появится объект с вредным производством (свалка, автомойка, нефтеперерабатывающий завод и т. п.), которое может причинить ущерб здоровью, имуществу, окружающей среде?» Респонденты разделились на 2 противоположные группы: 49% осознанно примут жизнь в условиях риска (вероятности, ущерба), 51% не примут внутренне жизнь в условиях риска. При этом группа «принимающих» состоит из 44%, которые будут надеяться, что ситуация разрешится *сама собой*, а 5% – из тех, кто примет жизнь в условиях риска, т. к. *не верят* в возможность разрешения ситуации; группу «не принимающих» составляют 17% тех, кто *смирится* с ситуацией, 25% – тех, кто будет активно *протестовать*, и 9% тех, кто *переселится* в другое место.

В связи с этим интересно сопоставить приведённые выше данные с мнениями респондентов относительно способов обеспечения приемлемого риска в целом. Методически вопрос задавался таким образом,

чтобы респондент использовал не способ ранжирования (то есть не видел весь список предлагаемых мер), а способ личностной оценки эффективности каждой из приведённого списка мер: то есть отвечал в дихотомическом формате «да» и «нет». Наибольшие доли положительных оценок респонденты дали следующим способам обеспечения приемлемости рисков: довериться экспертам — 94%, снизить риск за счёт снижения экономической выгоды — 83%, компенсировать риск выплатами — 79% (в том числе страхованием). Наибольшие доли ответов «нет», т. е. для обеспечения приемлемого риска по мнению опрошенных этого делать нельзя, получили следующие способы: снижение риска окружающей природной среде за счёт ущерба здоровью населения — 96%, ничего не производить и не добывать — 88%, снизить риск здоровью за счёт ущерба окружающей природной среде — 88%, положиться на ответственность предприятий — 87%. Варианты ответов о доверии властным структурам показывают, что в вопросах обеспечения приемлемости риска оценки респондентов не так категоричны: хотя явно население демонстрирует большее доверие именно местным властям (доверяют — 66%, нет — 34%), чем федеральным (доверяют — 41%, нет — 59%).

Как уже отмечалось, эксперты обосновали положение о том, что поскольку обеспечить абсолютную безопасность промышленности невозможно, совершенно очевидно, что необходимо стремиться к максимально приемлемому риску. Респондентам было предложено дать свою оценку данному суждению в соответствии с вариантами ответов: «да», «отчасти», «нет». 2/3 респондентов (64%) согласны с тем, что нужно стремиться к максимально приемлемому риску, 1/3 опрошенных (31%) — отчасти, не согласных — 5%.

В рамках исследования в одном из вопросов анкеты участникам исследования также предлагалось по 5-ти балльной шкале (от «5» — полностью согласен, до «1» — совсем не согласен) выразить своё мнение относительно ряда предложенных суждений. Рассмотрим три из них, которые, на наш взгляд, позволяют определить отношение опрошенных к риску:

1. Конкуренция, свобода, риск необходимы для развития экономики.
2. Если риск небольшой — его можно не согласовывать с населением.
3. Принимая решения, связанные с риском для здоровья населения и среды обитания, власти учитывают интересы населения.

Почти 80% опрошенных согласны (сумма по ответам «полностью» или «скорее согласен») с утверждением о том, что конкуренция, свобода, риск необходимы для развития экономики, 18% колеблются, и только 2% не согласны (сумма по ответам «совсем» или «скорее не согласен»). Респонденты почти в равных долях как согласны, так и не согласны со вторым утверждением: «если риск небольшой, его можно не согласовывать с населением»: доля принимающих это утверждение — 38%, доля отвергающих — 41%, не определившихся — 21%. Примерно в такой же пропорции опрошенные распределились при оценке противоположного второму, третьего, суждения: «Принимая решения, связанные с риском для здоровья населения и среды обитания, власти учитывают интересы населения», доля согласных — 31%, несогласных — 45%, колеблющихся — 24%.

Таким образом, большая часть опрошенных согласны с тем, что для того чтобы добиться экономических успехов необходимо рисковать, но при этом многие отметили, что можно не согласовывать риски с населением, в то время как другие считают, что учитывать интересы людей всё же необходимо.

В инструментарий опроса включался перечень из 23-х проблемных ситуаций, 19 из которых используются в международной рискологической исследовательской практике (их формулировки адаптированы А. В. Мозговой), а 4 — отражают российскую специфику последних десятилетий. Респондентам было предложено оценить, насколько они чувствуют себя защищёнными от каждого из перечисленных в вопросе неприятных событий: «полностью защищёнными, частично или совсем не защищёнными» (см. таблицу 1). В соответствии с логикой своего анализа автор статьи интерпретировал данные негативные события посредством группировки ответов респондентов и соотнесения их с определёнными типами риска [Мозговая, 2001: 28].

Перед возможными негативными событиями, составляющими экологический риск, респонденты считают себя абсолютно не защищёнными: практически в 90% и даже более случаев. Только 1% опрошенных считают себя полностью защищёнными от аварий на транспорте, в то время как не нашлось ни одного респондента, считающего себя полностью защищённым от экологического бедствия, а также от отравлений вредными веществами, содержащимися в продуктах, воздухе, стройматериалах.

Процедура ранжирования по защищённости / незащищённости от разных типов рисков показывает, что экологический риск резко и с большим отрывом лидирует по доле респондентов, считающих себя абсолютно не защищёнными от его неблагоприятных последствий. Далее следуют психологический и физический риски, затем материальный, а также социальный и экономический риски, и замыкают — духовный и моральный.

Следующей ступенью в логике авторского исследования является анализ ответов респондентов на вопрос о том, какие из перечисленных в инструментарии опроса проблем непосредственно касаются их лично, родных, друзей, территории проживания, страны в целом. Интерес представляет характер распределения рисков по масштабу влияния от личности (себя самого) до страны в целом. Как известно из исследований зарубежных авторов [Kasperson, 1988; Sjoberg, 1998] риски для себя оцениваются ниже, чем для других. Для большей наглядности автором статьи все из перечисленных в вопросе проблем соотнесены с соответствующими типами риска. Поскольку респонденты могли выбирать несколько вариантов ответа, сумма по строке превышает 100% (см. таблицу 2).

Таблица 1

Личностная защищённость от рисков
(доля в % к количеству ответивших по каждой строке)

Тип риска	Негативные события	Чувствую себя		
		Полностью защищённым	Частично защищённым	Совсем не защищённым
Материальный	Ограбление в квартире	6	41	53
Физический	Инфекционные заболевания (желтуха, холера)	2	19	79
	Нападение хулиганов	3	35	62
	Радиационное облучение	3	9	88
	Неправильный диагноз и лечение	0	21	79
	Отказ в бесплатной медицинской помощи	13	58	29
Психологический	Действия организованной преступности	1	26	73
	Действия террористов (взрывы домов, в транспорте, захват заложников)	7	10	83
	Военные или иные действия с последующим вынужденным переселением	13	17	70
Социальный	Безработица	22	42	36
	Неприятности в профессиональной деятельности	11	65	24
Духовный	Дискриминация по признаку пола, возраста	30	39	31
	Преследования по национальному признаку	44	38	18
	Преследования за религиозные взгляды	53	32	15
	Преследования за политические убеждения	42	40	18
Моральный	Ощущение, что жизнь зашла в тупик	31	44	25
	Одиночество	25	48	27
Экономический	Бедность и бездомность	20	50	30
Экологический	Экологическое бедствие	0	11	89
	Аварии на общественном транспорте, железной дороге, автодороге	1	13	86
	Отравление вредными веществами, сбрасываемыми в воду, воздух	0	9	91
	Отравление вредными веществами в продуктах	0	14	86
	Воздействие вредных веществ, содержащихся в стройматериалах (радиоактивный гравий, ядовитые смолы, клей)	0	12	86

Таблица 2

Оценка рисков по масштабу влияния (% по строке)

Тип риска	Проблема	В реальной жизни проблемы нет: она выдумана СМИ	Проблема реально касается Вас лично	Касается Ваших родных или друзей	Важна для Вашей местности	Значима для страны в целом
Материальный	Нехватка денег на питание	23	8	10	17	55
	Нет средств на лечение	14	15	15	25	59
Социальный	Трудно найти работу	9	8	18	51	55
	Преступность	2	1	4	30	91
	Наркотизация населения	1	0	2	29	94
	Пьянство	4	4	13	37	87
Духовный	Низкий спрос на хорошее образование и профессионализм	38	4	7	13	47
	Снижается ориентация молодёжи на семью	14	1	1	11	82
Моральный	Безответственность чиновников	3	2	4	22	92
	Взятничество	0	0	0	17	96
	Жестокость молодёжи	11	0	1	16	87
Экологический	Загрязнения, мусор, вредные производства	1	7	4	33	89

Анализ данных показывает, что по оценкам респондентов все вышеперечисленные риски характерны в первую очередь для страны в целом. Социальные и моральные, а также экологические риски, по мнению опрошенных, более характерны как для страны в целом, так и для местности проживания. Оценки респондентов относительно духовных рисков показывают, что респонденты более склонны считать, что «в реальной жизни проблемы нет: она выдумана СМИ». Что касается наличия так называемого материального риска, мнения респондентов не столь однозначны и даже противоречивы: проблема отсутствия средств на лечение в равных пропорциях характерна как для самих респондентов (15%), так и для их родных (15%), кроме того, примерно столько же респондентов (14%) считают, что данной проблемы вовсе не существует, что это всего лишь выдумка СМИ. Примерно в том же соотношении распределились ответы респондентов относительно проблемы нехватки денег на питание, только доля ответов респондентов, считающих, что данная проблема надумана, ещё выше – 23%.

Таким образом, респонденты практически не воспринимают данные проблемы с позиции личной угрозы, а оценивают риски более глобально, в масштабах страны и региона проживания. Однако когда респондентам предложили отве-

тить на вопросы о конкретных личных трагедиях, уже случившихся в их жизни, стало очевидно, что 2/3 опрошенных уже побывали в ситуации *психологического* риска (смерть одного или обоих родителей коснулась 66% опрошенных; доля респондентов, переживших тяжёлый физический недуг или психологический стресс – 65%); более половины опрошенных также коснулся *физический* (длительная, тяжёлая болезнь близких коснулась 59% опрошенных) и *моральный* риски (чуть более половины респондентов – 55% – признались в пережитом разрушении семьи: разрыв с любимым человеком затронул 33% опрошенных, разрыв родителей – 19%, собственный развод – 13%); чуть менее половины респондентов находились в ситуации *экономического* риска (проблема потери сбережений коснулась 46% респондентов; 26% опрошенных указали, что теряли собственность), *социальный* риск затронул почти четверть опрошенных в виде потери работы – 22%.

Таким образом, по оценкам самих респондентов психологический, физический и моральный риски приходилось пережить практически каждому второму.

Подводя итоги рассуждений о приемлемости, оценке и восприятии респондентами различных типов рисков, необходимо отметить, что большинство опрошенных (81–91%) не испытывают страха перед материальным, социальным и психологическим рисками, зато экологического и физического рисков боятся около половины опрошенных. При этом причины возникновения физического риска респонденты склонны искать в собственных действиях и / или бездействии, угроза материального, психологического и социального рисков, по мнению опрошенных, исходит от других людей, экологический риск – следствие деятельности различных организаций и служб, а угроза экономического и духовного рисков исходит от власти.

По результатам данного исследования именно духовный риск абсолютно все респонденты (100%) считают неприемлемым (недопустимым) ни при каких условиях. Хотя и ответы респондентов в целом о приемлемости различных типов риска показывают, что опрошенные категорически не готовы соглашаться и принимать риски ни при каких условиях (доли «несогласных» по каждому типу риска более 90%). Но несмотря на такое резкое неприятие и негативное отношение к вопросу о возможной приемлемости риска, опрошенные всё же отметили, что для обеспечения приемлемости риска необходимо довериться экспертам, снизить риск за счёт снижения экономической выгоды, а также компенсировать риск выплатами и страхованием.

Необходимо также отдельно остановиться на восприятии респондентами экологического риска. Доля респондентов, считающих себя полностью защищёнными от неблагоприятных последствий экологического риска равна нулю. Это единственный тип риска из всех рассмотренных, в результате оценки которого респонденты демонстрируют полную беззащитность, но, с другой стороны, доля респондентов, воспринимающих экологический риск как личную угрозу или угрозу родным и близким, очень далёк от максимальных показателей. Кроме

того, меньше всего личной тревоги вызывают духовный (низкий спрос на хорошее образование и профессионализм) и материальный риски (нехватка денег на питание), есть даже мнение, что они – выдумка СМИ.

Респонденты в большинстве своём оценивают риски и уязвимость от них на отдалённой дистанции социального распределения, в масштабах влияния на страну в целом или регион проживания. Доли тех, кто считает себя лично или своё окружение подверженным большинству социальных рисков, сравнительно малы.

Список литературы

Быков А. А., Порфирьев Б. Н. Об анализе риска, концепциях и классификации рисков // Проблемы анализа риска. Научный журнал. 2006. Т. 3. № 4. С. 319–338.

Быков А. А. Теория и методы управления риском чрезвычайных ситуаций (ЧС): проблемы и перспективы // Риск в социальном пространстве / Отв. ред. А. В. Мозговая. М.: Институт социологии РАН, 2001. С. 272–297.

Гринберг М. С. Проблема производственного риска в уголовном праве. М.: Госюриздат, 1963. – 132 с.

Декларация Российского научного общества анализа риска «О предельно допустимых уровнях риска». Предельно допустимые уровни риска (пояснительная записка) // Проблемы анализа риска. Научный журнал. 2006. Т. 3. № 2. С. 162–170.

Зубков В. И. Социологическая теория риска: монография. М.: Издательство РУДН, 2003. – 230 с.

Манша С., Носова Т. Повседневная жизнь в российском обществе или никаких лирических отступлений // Новые потребности и новые риски: реальность 90-х годов / Отв. ред. И. И. Травин. СПб.: Норма, 2001. С. 203–216.

Миэринь Л. А. Основы рискологии: учеб. пособие. СПб.: Издательство СПбГУЭФ, 1998. – 138 с.

Мозговая А. В. Социология риска: возможности синтеза теории и эмпирического знания // Риск в социальном пространстве / Отв. ред. А. В. Мозговая. М.: Институт социологии РАН, 2001. С. 9–37.

Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Социологические детерминанты приемлемости риска // Социологические координаты риска / Отв. ред. А. В. Мозговая. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 103–124.

Мозговая А. В. Технологический риск как компонент окружающей социальной среды: восприятие и отражение в субкультуре территориальной общности // Риск в социальном пространстве / Отв. ред. А. В. Мозговая. М.: Институт социологии РАН, 2001. С. 159–179.

Порфирьев Б. Н. Управление риском (на примере природных рисков) // Риск в социальном пространстве / Отв. ред. А. В. Мозговая. М.: Институт социологии РАН, 2001. С. 235–271.

Ренн О. Три десятилетия исследования риска: достижения и новые горизонты // Вопросы анализа риска. 1999. Т. 1. № 1. С. 80–99.

Стратегические риски России: оценка и прогноз / Под общ. ред. Ю. Л. Воробьёва. М.: Деловой экспресс, 2005. — 392 с.

Шиминова М. Я. Компенсация вреда гражданам (гражданско-правовое регулирование). М.: Наука, 1979. — 184 с.

Шлыкova Е. В. Безопасность или приемлемый риск как цель адаптации (на примере мигрантов и принимающего населения) // Риск: исследования и социальная практика / Отв. ред. А. В. Мозговая. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 59–72.

Яницкий О. Н. Социология риска. М.: Издательство LVS, 2003. — 192 с.

Kasperson R. E. et al. The Social Amplification of Risk: A Conceptual Framework // Risk Analysis. 1988. 8. № 2.

Sjoberg L. Worry and Risk Perception // Risk Analysis. 1998. Vol. 18. № 1.

Risk: Acceptability, Protection, and Social Distribution

Kornilova Marina Valerievna

Candidate of Sociological Sciences, Junior Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Science. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia.
E-mail: mmrr@mail.ru

Abstract. The article attempts, on the basis of empirical data, to justify the thesis about the relationship between assessments of the suitability of different types of risk indicators, such as the perception of personal security and distance of social distribution of risk, measured by vulnerability (personal, family, peer group, the territorial community and country as a whole) from certain social risks. The empirical base of the study is representative data from a sociological survey of the population of one of the regions of Central Russia, conducted by quota sampling. The purpose of the study was formulated as the study of quality of life, including attitudes to risk. The analysis showed that the majority of respondents do not feel a fear of physical, social and psychological risk, but about half of the respondents are afraid of environmental and physical risks. Respondents mostly assess risks and vulnerability from them at a remote distance of social distribution, in the scale of impact on the country as a whole, or region of residence. The share of those who consider themselves or their environment most vulnerable to social risks is relatively small.

Keywords: risk, risk perception, acceptable risk, everyday risks, protection, social amplification, vulnerability.

REFERENCES

Bykov A. A. Porfir'ev B. N. Ob analize riska, kontseptsiih i klassifikatsii riskov. [*Risk analysis, concepts and classification of risk*]. J. Problemy analiza riska. Nauchnyi zhurnal. 2006. T. 3. № 4. S. 319–338. (In Russ.).

Bykov A. A. Teoria i metody upravleniia riskom chrezvychainyh situatsii (Ch S): problemy i perspektivy. [*Theory and methods of risk management of emergency situations (ES): problems and prospects*]. J. Risk v sotsial'nom prostranstve / Otv. red. A. V. Mozgovaia. M.: Institut sotsiologii RAN, 2001. S. 272–297. (In Russ.).

Grinber M. S. Problema proizvodstvennogo riska v ugovnom prave. [*Problem of manufacturing risk in criminal law*]. M.: Gosizdat, 1963. — 132 s. (In Russ.).

Deklaratsia Rossiiskogo nauchnogo obschestva analiza riska “O predel'no dopustimyh urovniah riska”. Predel'no dopustimye urovni riska (poiasnitel'naia zapiska). [*Declaration of the Russian Scientific Society of Risk Analysis “On the maximum permissible levels of risk.” Limits risk (explanatory note)*]. J. Problemy analiza riska. Nauchnyi zhurnal. 2006. T. 3. № 2. S. 162–170. (In Russ.).

Zybkov V. I. Sotsiologicheskaia teoria riska: monografiia. [*Sociological Theory of risk: monograph*]. M.: Izdatel'stvo RUDN, 2003. — 230 s. (In Russ.).

Mansha S., Nosova T. Povsednevnaia zhizn' Rossiiskogo obschestva ili nikakih liricheskikh otstuplenii. [*Daily life in the russian society, or no any lyrical digressions*]. J. Noveye potrebnosti i novye riski: real'nost'90-h godov / Otv. red. I. I. Travin. Spb.: Norma, 2001. S. 203–216. .

Mierin' I.A. Osnovy riskologii: ucheb. posobie. [*The base of riskology: tutorial*]. Spb.: Izdatel'stvo SPBGUEF, 1998. — 138 s. (In Russ.).

Mozgovaya A. V. Sotsiologia riska: vozmozhnosti sinteza teorii i empiricheskogo znania. [*Sociology of risk: the possibility of the synthesis of theory and empirical knowledge*]. J. Risk v sotsial'nom prostranstve / Otv. red. A. V. Mozgovaya. M.: Institut sotsiologii RAN, 2001. S. 9–37. (In Russ.).

Mozgovaya A. V., Shlykova E. V. Sotsiologicheskie determinanty priemlimosti riska. [*Sociological determinants of risk acceptability*]. J. Sotsiologicheskie koordinaty riska / Otv. red. A. V. Mozgovaia. M.: Institut sotsiologii RAN, 2008. S. 103–124. (In Russ.).

Mozgovaya A. V. Technologicheskii risk kak komponent okruzhaiushei sotsial'noi sredy: vospriiatie i otrazhenie v subkul'ture territorial'noi obschnosti. [*Technological risk as a component of the social environment: perception and reflection in the subculture of the territorial community*]. J. Risk v sotsial'nom prostranstve / Otv. red. A. V. Mozgovaya. M.: Institut sotsiologii RAN, 2001. S. 159–179. (In Russ.).

Porfir'ev B. N. Upravlenie riskom (na primere prirodnykh riskov). [*Risk management (for example, natural risks)*]. J. Risk v sotsial'nom prostranstve / Otv. red. A. V. Mozgovaya. M.: Institut sotsiologii RAN, 2001. S. 235–271. (In Russ.).

Renn O. Tri desiatiletia issledovaniia riska: dostizhenia i novye gorizonty. [*Three decades of risk research: achievements and new horizons*]. J. Voprosy analiza riska. 1999. T. 1. № 1. S. 80–99. (In Russ.).

Strategicheskie riski Rossii: otsenka i prognos. [*Strategic risks in Russia: assessment and outlook*]. / Pod obshch. red. Iu.L. Vorob'eva. M.: Delovoi ekspres, 2005. — 392 s. (In Russ.).

Shiminova M. Ia. Kompensatsia vreda grazhdanam (grazhdansko-pravovoe regulirovanie). [*Compensation for the damage to citizens (civil-legal regulation)*]. M.: Nauka, 1979. — 184 s. (*In Russ.*).

Shlykova E. V. Bezopasnost' ili priemlemyi risk kak tsel' adaptatsii (na primere migrantov i primimaiushchego naseleniia). [*Safety or acceptable risk as the target of adaptation (for example, migrants and the host population)*]. J. Risk: issledovaniia i sotsial'naia praktika / Otv. red. A. V. Mozgovaya. M.: Institut sotsiologii RAN, 2011. S. 59–72. (*In Russ.*).

Yanitsky O. N. Sotsiologiya riska. [*Sociology of risk*]. M.: Izdatel'stvo LVS, 2003. — 192 s. (*In Russ.*).

Kasperson R. E. et al. The Social Amplification of Risk: A Conceptual Framework // Risk Analysis. 1988. 8. № 2.

Sjoberg L. Worry and Risk Perception // Risk Analysis. 1998. Vol. 18. № 1.